

— Я не понимаю, почему ты так зол, — Ду Ицзэ поднялся с него, смотря сверху вниз и качая головой, словно считая его безнадежным. — Я мог бы просто пристрелить тебя или оставить умирать.

Ли Миньюй встал на четвереньки, его лицо всё ещё было красным, как свинина, на шее отчётливо виднелись следы от пальцев. Он не мог смириться, его плечи дрожали, дыхание было неровным.

— Почему? Что ты с этого получишь?

— Получу немало, — Ду Ицзэ потер большой и указательный пальцы, как будто считал деньги.

Ли Миньюй замер.

— Я для тебя просто пешка? Ты хочешь, чтобы я тебя ещё и поблагодарил?

Это предательство! Это неверность! Внезапно из его груди вырвался крик, в котором даже слышались нотки рыданий.

— Ты предатель! Ты просто предатель!

Виски Ду Ицзэ на мгновение заныли. Это лицо, искажённое гневом, словно слилось с другим лицом, которое когда-то выглядело праведным.

— Как ты меня назвал?

Ли Миньюй не успел понять, как получил удар в щеку. Ду Ицзэ схватил его за воротник и прижал к стене. Ли Миньюй ударило затылком, зубы сжались, но даже в кратковременной темноте он схватил Ду Ицзэ за плечи и закричал:

— Ты предатель! Ты что, ради денег на всё готов?

Ду Ицзэ больше не выглядел спокойным, его взгляд стал зловещим, зубы скрипели.

— Ли Миньюй, не будь лицемером. Ты ведь тоже всего лишь собака.

— Чёрт! Ты сам собака!

— Разве ты не собака, которая виляет хвостом? — Ду Ицзэ снова сжал его воротник, чуть приподнял и с силой ударил о стену, насмешливо крича. — А теперь решил со мной соревноваться в благородстве!

С глухим стуком Ли Миньюй снова ударился головой, но всё равно выругался:

— Чёрт! Ты думаешь, все такие, как ты?

— Ты считаешь себя лучше меня? — В глазах Ду Ицзэ мелькнул холодный свет. — Гу Е незаконно удерживал людей, а ты был его сообщником. Ты думаешь, что ты такой уж благородный?

Ли Миньюй стиснул зубы, его тяжёлое дыхание, казалось, эхом отзывалось в груди.

Но в его голове всё ещё звучал другой голос.

— Это не то же самое!

Ду Ицзэ усмехнулся.

— Чем это не то же самое? Если Гу Е сказал тебе идти на восток, ты бы посмел пойти на запад?

Их взгляды встретились, носы почти соприкоснулись, дыхание обоих было тяжёлым и неровным. Если бы в комнате чиркнули спичкой, пороховой запах, вероятно, снёс бы крышу.

Ли Миньюй, казалось, безрассудно кричал:

— Это не то же самое! Это чертовски не то же самое!

Ду Ицзэ редко был так зол, он почти никогда не чувствовал таких сильных эмоций, грозивших разрушить его рассудок. Он понизил голос, угрожая каждым словом:

— Если ты ещё раз гавкнешь, я тебя сейчас разорву.

— Это не то же самое! — Ли Миньюй прокричал это и в отчаянии закрыл глаза.

Ду Ицзэ усмехнулся, его правая рука переместилась к пояснице, коснувшись кожаной кобуры. Если Ли Миньюй так не боится смерти, то винить можно только его самого за то, что он когда-то сунул нос не в своё дело.

В этот момент Ду Ицзэ показал своё истинное лицо — он вырос в бездне, питался холодной росой, жил во тьме, его окружала аура убийцы, которая бывает только у тех, кто прошёл через горы трупов.

— Это не то же самое... — Тон Ли Миньюя внезапно смягчился, он снова открыл глаза, его губы дрожали.

Ду Ицзэ увидел, как в его глазах заблестели слёзы.

Это уже не был первоначальный гнев, плотина эмоций рухнула.

— Это не то же самое... Как это может быть то же самое?.. — Ли Миньюй скривил губы, его брови то сжимались, то разжимались, он старался не заплакать, но его голос дрожал, как натянутая струна, которую грубо дёргают, готовая порваться.

Ду Ицзэ был абсолютно прав, он был всего лишь послушной собакой, но даже если он был дешёвой собакой, он отдал самое ценное, что у него было, а Ду Ицзэ выбросил это, как мусор.

Ли Миньюй был как ребёнок, который понял, что у него ничего не осталось. После того как он выплеснул свой пустой гнев, внутри него остались только накопленные обида и непонимание.

Он не был великим человеком, привыкшим к бурям, он не был таким сильным и стойким. Когда перед ним оказался факт обмана и предательства, он, как и большинство обычных людей, не мог принять и переварить это, начав сомневаться, не сделал ли он что-то не так.

— Почему? — Горло Ли Миньюя двигалось вверх и вниз, снова и снова, он смотрел в чёрные глаза Ду Ицзэ, бессмысленно качая головой. — Я плохо к тебе относился?

Это сомнение в себе происходило из его отрицания фактов. Он предпочёл бы думать, что проблема в нём самом, чем сомневаться в доверии, которое он питал к Ду Ицзэ.

Для Ду Ицзэ это было низко. Но, к его удивлению, горе Ли Миньюя тоже передалось ему — через повысившуюся температуру, через переплетённое дыхание. Это чувство сопереживания было для него крайне неприятным, он чувствовал мурашки по коже, как будто он действительно сделал что-то неправильное.

Ду Ицзэ разжал руки, отступил на шаг, его кипящие, как лава, эмоции начали утихать, больше не разгораясь. Ли Миньюй стоял, низко опустив голову, его дыхание было тяжёлым, руки висели по бокам. Пороховой запах в комнате исчез, остался только запах плесени, тишина и множество сырых, но живых грибков.

Они молча стояли некоторое время, затем Ли Миньюй внезапно повернулся и бросился к двери. Ду Ицзэ шагнул вперёд, схватил его за руку и потянул обратно.

— Куда ты собрался?

Ли Миньюй ничего не сказал, резко вырвал руку и продолжил идти к двери.

— Не будь дураком! Мы сейчас в одной лодке!

Ли Миньюй молчал, но изо всех сил толкал его. Ду Ицзэ видел, как его щеки напряглись. Когда Ли Миньюй в последний раз вырвался из его хватки, Ду Ицзэ потерял терпение, сжал

пять пальцев, поднял руку и резко ударил его по затылку.

Ли Миньюй потемнело в глазах, и он с грохотом упал на пол.

Ду Ицзэ замер, посмотрел на свою напряжённую руку, затем на лежащего Ли Миньюя.

Это была его третья ошибка.

Для человека, живущего на острие ножа, если не повезёт, то трёх ошибок хватит, чтобы лишиться жизни. Ли Миньюй хотел уйти — и пусть уходит, он уже сделал всё, что мог, зачем рисковать ради этого груза?

Но этот удар был стопроцентно инстинктивным. Он не хотел, чтобы Ли Миньюй вышел из комнаты, не хотел, чтобы тот встретил неизбежную смерть. За всю свою жизнь у него никогда не было такого сильного желания, чтобы кто-то выжил, и это желание нельзя было объяснить просто «старой дружбой».

Возможно, именно с этого вечера Ду Ицзэ начал осознавать, что это больше не было просто боевым братством.

Когда Ли Миньюй очнулся, его шея болела, словно по ней ударили молотком, а затем он понял, что ударил его не кто иной, как Ду Ицзэ. Когда он вспомнил это имя, в его мозгу пронзительно зажглась искра.

Свет утра пробивался через тонкие занавески, освещая комнату тусклым светом, в лучах которого кружились пылинки. Ду Ицзэ всё ещё сидел на том же деревянном стуле, его руки были скрещены на груди, он прислонился к стене, его грудь слегка поднималась в такт дыханию, он закрыл глаза и отдыхал.

Воспоминания о прошлой ночи всё ещё были живы в его голове, они мешались, как водовороты, словно искры, падающие на сухие дрова, готовые разгореться. Он искоса посмотрел на Ду Ицзэ, увидел, что тот совершенно беззащитен, и уже собирался встать и ударить его неожиданно, но, поднявшись, он вместе с кроватью слегка качнулся, угол кровати ударился о стену, и раздался тихий стук.

<http://bllate.org/book/15266/1347261>